

Догоним США?

Вечером 19 мая, сразу по возвращении из Семеновского, отец поездом уехал в Ленинград на совещание работников сельского хозяйства Северо-Запада. Он не догадывался, что в тот день кто-то в Москве решает его судьбу.

20 мая, когда Молотов и его сторонники стоваривались в Кремле, отец вместе с ленинградским партийным секретарем Фролом Козловым осматривали на Кировском заводе производство мощных тракторов для целины, потом вместе выступали на митинге заводчан. Оттуда на метро поехали в центр города. Отец еще не видел ленинградской подземки. Потом они объехали поля близлежащих колхозов.

На следующий день отец посетил знаменитую на всю страну обувную фабрику «Скороход». В ее туфлях, ботинках, сандалиях и тапочках щеголяло 17 миллионов советских людей. Со «Скорохода» он напрямик отправился на совещание в Таврический дворец.

Отца в те дни тревожили не разногласия с Молотовым, а как после совнархозной реформы подтолкнуть народное хозяйство вперед. Собственно, эти мысли не покидали его никогда. Даже 13 мая, на встрече с писателями, отец, выступая перед этой весьма далекой от его интересов аудиторией, незаметно для самого себя сполз с «писательской» темы, заговорил об экономике, в первую очередь об экономике села, о том, что его интересовало на самом деле. Этот раздел выступления вышел у него наиболее удачным. Оно и понятно, без текста, без конспекта он говорил о том, о чем думал, в чем досконально разбирался, что считал важным, чем занимался в охотку, тогда как писательские проблемы и склоки...

Я намеренно перенес экономическую часть выступления отца из «писательской» главы в следующую. Он говорил об очень важных для нашего повествования вещах, и в тот контекст они никак не вписывались. Начал он с совнархозов, заявив, что теперь вместо единственной властной вертикали появится «100 каналов, по числу совнархозов, для решения возникающих вопросов». Затем отец с удовольствием отметил, что с ростом производительности труда страна избавляется от мучившего ее последние десятилетия дефицита рабочей силы. И вот результат: промышленность начинает переходить на сокращенный, семичасовой рабочий день, естественно, без уменьшения оплаты.

Отец всегда считал и не уставал повторять, что социализм, не наполненный реальным содержанием, – пустой звук, сотрясение воздуха.

– Люди пошли за Лениным ради лучшей жизни, – говорил отец. – В чем выражается лучшая жизнь? Кормить людей надо, одевать надо, создавать рабочие места, строить жилье, развивать культуру.

– Когда жилье в Конституцию впишем? – перебил с места писатель Катаев.

Но отец не ответил, он заговорил о том, что его занимало последние месяцы: как перевести советских людей с картошки и хлеба на научно сбалансированный рацион питания. Это невозможно без подъема животноводства. Тут отец оседлал своего любимого конька и начал сыпать цифрами, как горохом из мешка.

– В 1913 году дореволюционная Россия имела 31,1 килограмма мяса на душу населения, а США – 86,4. В 1940 году производство мяса в СССР упало до 24,5 килограммов, но и в Америке, вследствие Великой депрессии 1930-х годов, оно тоже чуть уменьшилось, до

85,6. Дальше начался рост, в 1950 году Советский Союз имел 26,8 килограммов, а Соединенные Штаты – 89,7, в 1952 году соответственно – 27,5 и 92,9;⁴¹ в 1953-м, году смерти Сталина и поворота в сельскохозяйственной политике – 30,5 килограммов и 94,8. В 1955 году СССР наконец превысил показатель 1913 года, в тот год у нас произвели на каждого едока 32 килограмма мяса, а в Америке вплотную приблизились к центнеру... В прошлом, 1956 году – 32,3 и 102,3 килограмма.

Со сливочным маслом дела обстояли получше, если в 1913 году Россия производила 700 граммов на одного своего жителя, а США 3,6 кг, то в 1956 году соотношение составило: в СССР – 2,8 кг, в США – 3,8 кг. Счет не в нашу пользу, но не такой «разгромный», как по мясу. Так же обстояли дела и с молоком, его в 1956 году произвели в Советском Союзе 245 литров на человека, в Америке 343 литра.

Отец не сказал, а скорее всего не знал, что в США все больше входил в моду маргарин, его считали более полезным. У нас тоже производили маргарин, но его относили к третьесортным продуктам, для бедных. Если о ком-то говорили, что он жарит пищу на маргарине, то добавлять уже ничего не требовалось. Считалось, что с появлением в достатке настоящего коровьего масла маргарин отомрет. Точно так же оценивали и успехи животноводства, в зависимости от жирности молока: три, четыре, пять процентов. Шесть процентов – это уже даже не рекорд, а мечта. Американцы же начинали молоко обезжиривать, так им казалось здоровее.

Отец до конца своих дней считал, чем жирнее молоко, тем оно лучше. В этом проявляется разница в мышлении, в оценке достатка богатыми и бедными нациями. Россияне всю свою историю жили впроголодь. В фольклоре их столь же небогатых братьев-украинцев даже сложился своеобразный образ богатея: он ест бутерброд не из хлеба с салом, а из сала с салом, но это к слову.

Сравнивая наши достижения с американскими, отец тем самым устанавливал для себя самого и страны планку, цель, к которой следует стремиться. При Сталине сравнения с США избегали и вообще не называли абсолютных цифр, уж очень удручающе они выглядели, приводили только сравнительные показатели, в процентах к предшествующему году. В первые послесталинские годы отец тоже следовал этой традиции, а если когда и проговаривался, как это произошло в 1953 году, то из газетных публикаций «крамольные» данные изымались. Сейчас отец не сдержался, выговорился обо всем, что наболело. Ситуацию он не считал безнадежной. Отнюдь нет.

Заметив, что писатели слушают его вполуха, отец не стал продолжать, сообщил, что обо всем подробно расскажет в Ленинграде на совещании аграриев. И вот теперь, в Таврическом дворце, отец сначала внимательно выслушал выступавших на совещании работников сельского хозяйства, а затем выступил сам.

Сельскохозяйственные дела вселяли оптимизм. Начала показывать себя целина. Теперь она обеспечивала до половины всего собираемого в стране зерна. По сравнению с 1953 годом, зерна заготовили больше на 1,4 миллиарда пудов (22,4 миллиона тонн), картофеля – на 2,9 миллиона тонн, овощей – на 1,4 миллиона тонн. Особо порадовало отца животноводство: за четыре года заготовки молока выросли на 6,7 миллиона тонн, а мяса – на 664 тысячи тонн. Только за последнюю зиму удои по стране выросли на 65 процентов, а на Украине – удвоились. Никто не верил, что такое возможно. До 1953 года за прирост удоев на десяток литров в год животноводов награждали орденами, а сейчас в счет пошли центнеры.

«Такого роста мы не имели за все годы советской власти, – радовался отец. – Вспоминается 1954 год. У нас были споры (с Молотовым. – С. Х.), когда мы намечали увеличить

⁴¹ На сентябрьском Пленуме 1953 года отец почему-то привел другие цифры по 1952 году: 24 килограмма в СССР и 81,4 – в США. См. главу «Сентябрьский Пленум».

производство молока за шесть лет (к 1960 году) на 600 с лишним литров от коровы. Меня некоторые люди (Молотов) предупреждали по дружбе, как докладчика: “600 – это много, можно сесть в лужу, лучше взять обязательства поменьше. Во все предшествующие годы прибавки к надою не получали”. Кто сел в лужу? Они сели в лужу».

Действительно, прав оказался Хрущев, в 1954 году от одной коровы надаивали 1 072 литра молока, а в 1956-м – 1 611 литр, почти на 600 литров больше.

Естественно, эти пассажи симпатии Молотова к отцу не прибавили.

Покончив с успехами, отец заговорил о задачах на будущее.

«Не хлебом единым жив человек, – повторил он уже в который раз. – Ему требуется и молоко, и мясо, и масло, а всего этого в стране производится недостаточно, рацион питания перекошен в сторону переедания хлеба и картошки».

Чтобы догнать американцев по качеству жизни требовалось увеличить производство одного только мяса в 3,15 раза. На 100 гектаров пашни в США производили 3 300 килограммов мяса в год, а у нас – 1 300, молока они надаивали 11 100 литров, а мы – 10 100, и это при том, что распаханной земли на одного человека у них тоже больше, чем у нас. Чтобы сравняться с США, нам требовалось работать даже не наравне с американцами, лучше них – производить на 100 гектарах в год 4 200 килограммов мяса и надаивать 14 100 литров молока.

Еще в начале весны отец попросил экономистов-аграриев прикинуть, сколько потребуется времени, чтобы обеспечить советским людям «человеческое» питание. В представленной ему в начале мая справке приводились расчеты: если существующие, столь радовавшие его, тенденции роста в сельском хозяйстве сохранятся, то мы достигнем желаемого научно сбалансированного питания, догоним США, где-то к 1975 году, через восемнадцать лет.

Отца расчеты не очень убедили, а прогноз так и вовсе не устроил. Построены они на умозрительных предположениях, на «если бы да кабы». Те же специалисты так же скептически прогнозировали в 1953 году рост удоев молока. А что получилось? Да и как людям в глаза смотреть, обещая, что сытыми станут только их дети. Если еще станут?

Готовясь к выступлению в Ленинграде, отец решил увлечь людей не восемнадцатилетней, а более близкой перспективой лучшей жизни. Он считал цель достижимой, следует только подналечь на корма, на кукурузу, без нее в нашем климате и через 18 лет ничего не получится.

Отец отталкивался от тех же цифр увеличения сельскохозяйственного производства, что и составители справки, только выстроил их в своей манере. Выступая в Ленинграде, он сравнивал рост производства за четыре первые месяца 1957 года с предыдущим 1956 годом. Получалось убедительно: мяса в этом году заготовили 689 тысяч тонн, по сравнению с 466 тысячами тонн прошлого года, то есть на 223 тысячи тонн больше.

И молока заготовили больше на 791 тысячу тонн (3 967 тысяч тонн и 3 176 тысяч тонн). Соответственно выросло производство масла, его же из молока сбивают. Потом отец посетовал на горе-экономистов с их 1975 годом. Присутствовавшие над ними в охотку посмеялись. В заключение отец призвал всех постараться достичь заветной цели поскорее: «Думаю, что нам сейчас не стоит называть год, когда мы должны решить эту задачу... Мы имеем все материальные средства для достижения поставленной цели. Надо только умело эти средства использовать, умело организовать людей, и мы эту задачу решим».

Все заплодировали.

Я уже говорил и повторю еще раз. На самом деле речь шла не о буквальном соревновании с американцами, кто чего больше съест, а о переходе на научно рассчитанный сбалансированный рацион питания. «Догнать Америку» – это понятный всем лозунг, как бы спортивный призыв, способный, по мнению отца, всколыхнуть народ, и не более того. Не призовешь же к «достижению научно обоснованных норм питания». Засмеют. Правда, и соревнование с Америкой вскоре стало темой для насмешек. Помню, тогда автоинспекция, взывая к соблю-

дению правил уличного движения, размещала на задних бортах грузовиков призывы. Один из них: «Не уверен, не обгоняй!» Шутники дописывали: «Америку». Кстати, тоже символ освобождения от сталинского режима, попробовали бы они так шутить с Иосифом Виссарионовичем.

Обсуждать, а тем более заранее утвердить на Президиуме ЦК лозунг соревнования с Америкой отец счел излишним. Это же не план с расписанными по регионам и годам обязательствами, а всего лишь призыв. Что тут обсуждать? Отец ошибался. В напряженной атмосфере тех дней его недоброжелатели ставили ему всякое лыко в строку. Расскажи отец на очередном заседании Президиума о своих намерениях, то, несмотря на бурчание Молотова, он получил бы одобрение большинства. Не сделав этого, он сам себя подставил – не только становился единолично ответственным за инициативу, но и выставял себя нарушителем партийной дисциплины. Он как бы пренебрегал «коллективностью» послесталинского руководства. Но что сделано, то сделано.

По истечении десятилетий можно поразмышлять, в чем и насколько ошибался отец. 1975 год тогда отстоял от года 1957-го так далеко, что и не значил почти ничего ни для отца, ни для людей. Ради 1975 года нечего и стараться. Отец же решил зажечь, увлечь за собой наиболее активную, творческую часть населения.

Тут он противоречил сам себе. Весь прошлый и текущий год отец воевал с Госпланом за четвертую пятилетку без так называемых «мобилизующих» заданий, а теперь вольно или невольно воспользовался сталинским «призывным» планированием, устанавливающим невыполнимые задания в надежде, что реальные результаты пусть и не достигнут поставленных целей, но то, что получится, окажется повыше. Повыше чего? Не называя срока, отец загнал себя в «сталинскую» ловушку «планируемой неопределенности». Он не сомневался, Америку догнать можно не через восемнадцать лет, а раньше. Когда? Через восемь лет? Или через пять? Или десять? Волевая цифра на то она и волевая, что можно выбрать любую. Реальный срок определится сам, по ходу дела.

Теперь мы знаем, что даже к спрогнозированному экономистами научно обоснованному 1975 году Советский Союз не только не догнал США, но окончательно и безнадежно отстал. После 1964 года, после отставки отца, никто уже не толкал страну вперед, не призывал, не будоражил, и все затягивалось ряской равнодушия. Энтропия, всеобщий беспорядок, хаос постепенно нарастали, и никого это уже не беспокоило.

В чем же ошибся отец? Самый легкий и очевидный ответ: во всем. Но очевидное далеко не всегда правильно, оно лишь отражает установившиеся в данное время в обществе стереотипы. Очевидное сегодня отнюдь не очевидно завтра и даже вчера. Мне представляется, что в своих призывах отец не так уж и не прав.

Что же касается их реализации, он напрасно понадеялся на своих «генералов» – руководителей областей, переоценил их способности, желание «взяться за дело как следует». В обкомах сидели люди, жившие одним днем, для них главное – сегодня отчитаться о выполнении спущенных из центра приказов, а что произойдет завтра... Не назвав даты, когда он рассчитывает догнать США, отец подложил под себя мину не очень уж замедленного действия. Поощряемые им особо рьяные секретари обкомов вознамерились на самом деле догнать Америку за год – за два.

Но за год производство мяса не удвоишь, а за два не утроишь, сколько ни старайся, столько телят, поросят и даже цыплят в природе родиться не может. Трудно объяснить, почему отец не прикинул заранее, сколько молодняка может прибавиться за год-два, за три. Ведь он всегда все скрупулезно подсчитывал. Тогда бы он мог назвать срок, пусть очень приблизительный, волюнтаристский, но хотя бы оправданный биологически.

Нельзя сказать, что отец не знал, с кем имеет дело, не ориентировался в кадровой проблеме. Иначе он не затронул бы в своем ленинградском выступлении темы профессиона-

лизма партийных работников. «Для того чтобы квалифицированно руководить, секретарям райкомов самим надо много знать, уметь до тонкости разбираться в том или ином вопросе. Тогда вы не попадете впросак. Если не знаешь чего – изучи, и тогда не придется краснеть перед людьми, – сказал он. – *Реорганизуем управление промышленностью, а затем и этим вопросом займемся* (курсив мой. – С. Х.). Нельзя браться за все сразу».

До Ленинграда отец поднимал эту тему в Горьком. Но речь пока шла только о профессионализме. В 1962 году отец сделает попытку превращения секретарей райкомов в профессионалов-управляющих, то есть в менеджеров, но встретит ожесточенное сопротивление и райкомов, и обкомов, и ЦК. Только тогда он додумается наконец, что следует поменять всю структуру производства, дать как можно больше свободы производителю. В 1962–1964 годах отец попытается затеять новые перемены, но будет уже поздно, «поезд уйдет».

В Ленинграде отец выступил с еще одной инициативой, на сей раз уже обсуждавшейся Президиумом ЦК, «порадовал» слушателей новостью, что с первого дня следующего, 1958 года, они собираются «отказаться от поставок, которые получает страна с личного хозяйства колхозников». В 1953 году этот натуральный налог снизили вдвое, теперь отец хотел ликвидировать его совсем. По его подсчетам, поставки личных хозяйств колхозников государству составляют около 10–15 процентов от общего объема заготовок.

– Продуктов мы получаем с колхозных подворий мало, – говорил отец, – а возни много. Мы держим огромное количество заготовителей, расходует на них средства. Одним словом, овчинка выделки не стоит. Отказ от поставок с колхозных дворов принесет выгоду: мы сократим аппарат, бюрократическую переписку.

Думаю, что не пропадут и продукты, которые производят в хозяйствах колхозников. Колхозник сам продаст их. Продукция все равно придет на рынок, и таким образом будут удовлетворены потребности нашего общества, наших людей. Видимо, решение надо опубликовать в июне, а ввести его в действие с 1 января 1958 года.

Что и говорить, слова отца деревня встретила на ура. Уменьшение налогов приветствуется в любой стране.

4 июля 1957 года ЦК КПСС и СМ СССР примут официальное постановление «Об отмене с 1 января 1958 года обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих». Она касалась людей, живших на земле или вблизи от земли, «колхозников, совхозников, членов артелей всех видов, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, городской местности и дачных поселках», но не затронуло «злостных скармливателей хлеба скотине» из столичных и региональных центров. Они, как и прежде, согласно постановлению Совмина от 27 августа 1956 года, обязывались платить налоги на имеющуюся у них живность и поставлять государству часть своей продукции.

Узнав о выступлении отца, Молотов просто взорвался, по его мнению, Хрущев «просто ноги на стол положил», абсолютно не считается со своими коллегами по Президиуму ЦК, а призыв «догнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения» – это чистой воды «авантюризм в хозяйственной политике и правый уклон», игнорирующий приоритет промышленности, в первую очередь тяжелой. Молотова поддерживал не только Каганович, но, как это ни странно, Маленков, которого в январе 1955 года тот же Молотов обвинял в тех же грехах. Но сейчас новоявленные союзники о старом не вспоминали.

Кагановича возмутило еще и то, что Хрущев «раскрыл секрет отмены налогов по мясу на индивидуальные хозяйства. Решения еще не приняли. Нельзя, чтобы такое благодетельство исходило от одного Первого секретаря». (Этот разговор произошел в отсутствие отца.)

Булганин мнения не высказывал, только одобрительно хмыкал. Четвертый участник сговора 20 мая, Первухин, в обсуждении участия не принимал, он уехал по среднemasшевским делам на Урал и в Сибирь.

По возвращении в Москву отец в ответ на упомянутые выше претензии Молотова, предъявленные во время общего обеда в Кремле, попытался объясниться, сказал, что соревнование с США – это чистой воды призыв и его личная инициатива, которую пока не следует превращать в обязательное для исполнения решение руководства. Он высказывал эту мысль и раньше, в частности, выступая недавно перед писателями. Что же касается «разглашения тайны о снятии налогов с колхозников», то это просто смешно. Они же в Президиуме ЦК уже договорились обо всем, а в данном случае он говорил не от себя одного, а озвучил мнение «коллективного руководства». Аргументы отца повисли в воздухе. Молотов упорствовал: отец не имел права что-либо говорить без формального разрешения «коллективного руководства», а он такого разрешения не только не получал, но даже не запрашивал. Каганович осторожно поддержал Молотова, остальные члены Президиума промолчали. Разошлись крайне недовольные друг другом.

30 мая из полуторамесячных странствий по странам Азии возвратился Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов. Он посетил Китай, Индонезию, Вьетнам, а по пути домой – еще раз Китай. В Индонезии и Вьетнаме все прошло гладко, по дипломатическому протоколу. В Китае Ворошилову протокольными мероприятиями отделаться не удалось, китайцы настроились на серьезные переговоры. Переговоров не получилось ни серьезных, ни несерьезных – никаких. Китайцы обиделись, нажаловались послу. Тот обо всем доложил в Москву.

Ворошилов тогда уже совсем одряхлел, отошел от реальных дел, жил в своем, оторванном от внешних реалий мире. Более всего он заботился о здоровье, гулял, заимел шагомер, ходил пешком по четыре-пять часов ежедневно. Так он поддерживал свою физическую форму, и весьма успешно. Заехав как-то к отцу на дачу, Климент Ефремович и ему советовал гулять побольше.

– Так тебе, Клим, делать нечего, – не очень удачно отшутился отец, – а мне не до гуляний.

Отец показал на стоявший в углу террасы маленький столик с лежащей на нем пухлой папкой. И дернуло же его за язык... Ворошилов обиженно засопел, посидел еще минут пятнадцать и засобирался домой. Пустяк, конечно, но вся наша жизнь состоит из пустяков. Ворошилов обижался, но до поры обиды не показывал. Сталин приучил его к терпеливости.

Неувязка в Китае получилась не только с переговорами. По донесениям посольства, китайцы возмутились, когда на официальном обеде в Кантоне Ворошилов, обнаружив, что ему подали жаркое из собачатины и, плюс к тому, предлагают блюдо из змей, раскричался, что такую гадость он есть отказывается. Хозяева на «гадость» смертельно обиделись. Когда, по возвращении в Москву, отец попытался выговорить Ворошилову, тот буквально взорвался.

– Ты что же, заставляешь меня собак есть? – кричал он фальцетом.

– Но я же ел, когда меня в 1954 году угощали в Кантоне, такие у них порядки, – увещевал его отец. – Ты туда не на свадьбу поехал, а с дипломатической миссией.

Ворошилов не успокаивался, дипломатия дипломатией, но собак он есть не станет ни при каких обстоятельствах. Слово за слово, они с отцом разругались.

Обиженный Ворошилов занял не ключевое, но почетное место в стане противников отца. После присоединения Сабурова они теперь составляли большинство в Президиуме ЦК, а Ворошилов всегда ставил на победителя. Любопытная психологическая деталь: для Сабурова решающим фактором оказалось участие в заговоре Ворошилова, шестого, гипотетического, обеспечивавшего перевес «игрока». Для самого Ворошилова этим шестым оказался уже реально присоединившийся к заговорщикам Сабуров.

Таким образом, в последний день мая расклад сил определился окончательно: Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров против Микояна,

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

Сусллова, Кириченко и самого Хрущева. Семеро против четверых, явное большинство на стороне Молотова.